

*Где укрываться человеку?
Где укрываться человеку,
Если видеть, как он поступает,
Глядеть на то, чему он следует,
И знать, что его удовлетворяет? (2.10)**

После таких слов и самому Конфуцию, казалось бы, «не укрыться». Он, правда, и «не укрывался», но только перед теми, кто искренно хотел его понять. И все же вот уже двадцать пять веков многие поколения потомков толкуют его по-своему и порой весьма по-разному.

Да и может ли быть иначе с человеком, для которого прошлое являлось не менее реальным, чем настоящее, а потому «жившим» одновременно в будущем — только так виделся ему путь к самому себе, к обретению своей подлинной сущности. И для нас сегодня познать изреченную им мудрость значит приблизиться к пониманию того, что определяет и нашу собственную действительность.

Эта задача и обуславливает построение книги. Во вступительном разделе «Загадка Конфуция» воссоздается облик этого мыслителя, его жизненный путь, выявляются метафизические истоки и суть его своеобразного учения. Основу второго раздела составляет полный комментированный перевод на русский язык «Изречений» (по-китайски *Луньюй*) — главного и наиболее достоверного источника слова Конфуция. К его восприятию подготавливает открывающая раздел заметка «Читателю Конфуция». Название третьего раздела «Диалог сквозь века» говорит само за себя. Здесь впервые приведены все вы-

* Здесь и далее при цитировании «Изречений» цифрами в скобках обозначены номера соответствующих главы и фрагмента; отсутствие таких указаний означает, что цитата взята из работы Сыма Цяня «Старинный род Конфуция».

сказывания о Конфуции его великого последователя, древнекитайского мыслителя Мэнцзы. Читатель сможет также познакомиться с самой ранней и полной биографией Конфуция, написанной основателем китайской историографии Сыма Цянем. Кроме того, в разделе представлены оценки Конфуция Вольтером, Л.Н. Толстым, а также труды и фрагменты о нем выдающихся русских синологов, создателей науки о Китае в России.

Учитель говорил:

— Сынки, вы, верно, думаете, что я скрытен. А у меня нет от вас тайн. Что я ни делаю, все разделяю с вами. Я именно таков, сынки (7.24).

Здесь Учителем назван человек, известный в Западном полушарии под именем Конфуция, или Кун-цзы. (По-китайски его звали Кун Цю, где Кун — фамилия, а Цю — имя. Привычное нашему слуху имя Конфуций происходит от латинской транскрипции китайского словосочетания *Кун фуцзы*, в дословном переводе означающего «учитель Кун». Это латинизированное имя органически вошло в западную культуру, и заменять его на оригинальное уже не имеет смысла.) Он родился в 551 году до н. э. в Древнем Китае, пытался служить правителям, встречал непонимание, подвергался гонениям, прославился своей мудростью, имел много последователей и умер в 479 году, создав учение, которое на более чем две тысячи лет стало идеологической основой китайской империи.

Если попытаться еще до подробного ознакомления с жизнью и взглядами Конфуция получить о нем хотя бы беглое, но достаточно характерное впечатление, то этому может помочь приведенный в начале фрагмент. Конфуций называет здесь сынками своих близких учеников, т.е. тех, кому лучше, чем многим другим, полагалось его знать. Но даже перед ними он, видимо, представлял довольно непонятным и загадочным, иначе ему не понадобилось бы убеждать их в обратном. И все же как был прав он, так не ошибались и они. Жизнь и учение Конфуция парадоксальны. В них заключается многое такое, что на

первый взгляд кажется простым, даже тривиальным, и в то же время вызывает ощущение таинственности и глубины.

Жизнь первоучителя разделяется на четыре основных периода. Первый период: с рождения до пятидесятилетнего возраста; второй — с 50 до 56 лет; третий — с 56 до 70 лет; четвертый — с 70 лет до смерти на семьдесят третьем году жизни. Нельзя, конечно, не принимать во внимание некоторую условность дошедших до нас сведений о Конфуции. По ним трудно составить представление о нем как о конкретной индивидуальности в живом развитии. Но дело не только в особенностях древней историографии и субъективности оценок биографов. Похоже, что сам Конфуций сознательно привносил в свою жизнь условность, придавая ей некую особую окрашенность. Его образ во многом условен, но в то же время противоречив и оригинален.

Противоречивы и обстоятельства рождения Конфуция. По древней традиции его отец, а значит, и он сам принадлежали к потомкам царского рода. Но вот что пишет о его происхождении древнекитайский историк Сыма Цянь: «Конфуций был рожден в селении Цзоу волости Чанпин княжества Лу. Его предка, уроженца Сун, звали Кун Фаншу. От Фаншу был рожден Бося, от Бося — Шулян Хэ. У Хэ от девушки из рода Янь, с которой он сошелся в поле, Конфуций и родился». И далее: «Когда родился он, его отец скончался и погребен был на горе Фаншань... Конфуций сомневался в местонахождении могилы своего отца, ибо его мать об этом умолчала...» Судя по всему, рождение Конфуция было незаконным (выражение «сойтись в поле» переводят еще как «дикая связь»). Этот факт косвенно подтверждается красноречивым свидетельством Сыма Цяня, из которого следует, что Конфуций при жизни матери даже не знал, где похоронен отец. Правда, справедливости ради надо отметить, что среди исследователей и комментаторов не существует согласия в этом вопросе. Большинство склонно интерпретировать выражение «сойтись в поле» метафорически: как женитьбу с нарушением обрядовых норм, но в чем это нарушение выражается конкретно — неясно. Иногда его трактуют лишь в плане большой разницы в возрасте между престарелым отцом и юной матерью Конфуция, а то и вообще отрицают это сообщение как недостоверное. Но смягчать или тем более игнорировать его неллицеприятный смысл вряд ли разумно, поскольку Конфуций к тому времени, когда жил историограф, являлся уже очень авторитетной фигурой и его почитатели, а к ним, несомненно, относится и Сыма Цянь, должны были бы

скорее умолчать о таких обстоятельствах, чем предавать их огласке, будь у них хотя бы малое основание сомневаться в их реальности. Стыдясь незаконной связи, мать Конфуция, которая жила, видимо, вдаль от родичей мужа, не говорила сыну, кто его отец и где его могила. Можно также, вслед за китайским ученым Цай Шансы, предположить, что она была женщиной из простонародья или даже рабыней.

Нетрудно представить себе, какой социальный статус отводился обычаем Конфуцию. Для этого достаточно ознакомиться с традиционной структурой архаичного китайского общества. Вершину социальной пирамиды венчал чжоуский царь, чьи далекие предки, известные по своим посмертным титулам, — цари Просвещенный и Воинственный* еще в XI в. до н. э. установили правление над всей Поднебесной, создав династию Чжоу (XI—III вв. до н. э.). Царю непосредственно подчинялись князья различных степеней, управлявшие своими наследственными наделами-княжествами. Их статус был тоже очень высок: они, как и царь, величались «государями». В каждом княжестве правящую группу составляла возглавляемая князем родовая аристократия. В нее входило несколько вельмож — главных администраторов княжества и немалое количество помогавших им сановников различных рангов. У вельмож и сановников тоже были свои владения — «дома». Своеобразное положение занимали так называемые мужи. Их относили обычно к низшему слою знати. Они считались владельцами «полей», жившими за счет труда земледельцев, и пользовались такими привилегиями аристократии, как участие в религиозных церемониях и знание древних преданий, поэзии, музыки и прочих искусств, составлявших образовательный минимум того времени. Часть из них занимала различные должности на службе у вельмож и сановников. Но множество мужей обладало и более низким социальным статусом. Они сами трудились на земле и были земледельцами или носчиками дров. По сути, мужи занимали промежуточное положение между знатью и простолюдинами, поэтому их включали также в понятие народа, к которому наряду с ними относились земледельцы — основная производительная сила, торговцы и ремесленники. Подножие общественной пирамиды составляли рабы и слуги.

* Имена *Просвещенный*, *Воинственный*, а также упоминаемые ниже *Мирный*, *Чудотворный*, *Великий*, *Блестящий*, *Твердый*, *Столп*, *Благотельный*, *Скорбная Память* и др. — это официальные посмертные титулы царей и знати, носившие в большинстве случаев сугубо условный характер.

Решающее значение в этой структуре имел генеалогический принцип: старший сын автоматически получал наследственный пост отца, а младшие сыновья — более низкие должности и положение. Кровнородственные отношения казались всепроникающими, и государство представлялось в виде большой семьи, где простолюдины рассматривались как младшие родственники знати.

В связи с этим, хотя отец Конфуция и мог считаться представителем аристократии, самому Конфуцию, по обстоятельствам его рождения, традиция не оставляла ничего большего, чем принадлежность к категории мужей. То, что он принадлежал именно к этой категории, явствует из его изречений. Социальный статус Конфуция в молодости характеризует Сыма Цянь: «Конфуций был незнатен, беден». В связи с этим он по необходимости с юных лет занимал чисто хозяйственные должности, не имевшие отношения к политической государственной деятельности. Самому Конфуцию это было совсем не по нраву, о чем явственно свидетельствуют красноречивые фрагменты «Изречений»:

Кравчий спросил Цыгуна:

— Как много у Учителя способностей, талантов! Он обладает высшей мудростью?

Цыгун ответил:

— Воистину Небо позволило ему приобщиться к высшей мудрости. Еще он наделен многими талантами.

Учитель, услышав об этом, сказал:

— Знает ли меня кравчий? Я был незнатен в молодости, поэтому знал много простых профессий. А много ли умеет благородный муж? Совсем немного.

Лао сказал:

— Учитель говорил: «Я умел много, так как не был испытан на службе» (9.6; 9.7).

Подлинная служба, которой посвящает себя человек высшего достоинства, «благородный муж», связана с «одним», единым, несводимым ко «многому». Это и понятно, так как речь здесь идет о правлении и правителе, объединяющем своей деятельностью подчиненных. К такой службе и стремился почти всю свою жизнь Конфуций. Но до 50 лет это стремление ему не удавалось осуществить.

То, что подобное стремление владело человеком невысокого социального статуса, весьма симптоматично. Ко времени

жизни Конфуция в традиционном китайском обществе намечалось все больше новых явлений. Их громогласным предвестием стала утрата чжоускими царями своей реальной власти над Поднебесной. И хотя номинально они продолжали считаться ее верховными правителями, с VIII в. до н. э. князья перестали им подчиняться и повели с ними и друг с другом ожесточенную борьбу за политическое господство. Княжество Лу, где родился и жил Конфуций, было одним из слабых. Сыма Цянь несколькими красочными штрихами набрасывает эту историческую ситуацию: «В те времена распутничал князь Мирный из удела Цзинь и властью овладели шесть вельмож, вели войну с князьями на востоке; у чусского царя Чудотворного были мощные войска, он попирал срединные уделы. Ци было велико и близко к Лу, Лу было небольшим и слабым; коль Лу сближалось с Чу, то в Цзинь сердились; когда же примыкало к Цзинь, то подвергалось нападению из Чу, а не остерегалось Ци, и циские войска вторгались в Лу».

Но и внутри княжеств политическая обстановка была отнюдь не идиллической: их постоянно раздирала внутренняя смута, доходившая до открытых вооруженных конфликтов. На власть князей претендовали вельможи и сановники, которых, в свою очередь, теснили представители незнатных родов. Характерная ситуация складывалась в княжестве Лу. Здесь главную роль играл вельможа из аристократического рода Младших*, занимавший по наследству пост первого советника. В результате его происков лускому князю однажды пришлось даже бежать в соседнее княжество Ци. Сначала за ним туда же последовал и Конфуций, которому тогда было 35 лет, но вскоре он вернулся, а князь по-прежнему оставался в Ци. И хотя через семь лет на престол в Лу вступил наследник бежавшего монарха, политическая напряженность не спадала. Она еще больше усилилась, когда Конфуцию исполнилось 47 лет. К этому времени всеми делами в княжестве ведал уже не вельможа из рода Младших, а его подданный, т.е. даже не непосредственный подданный князя, а подданный подданного князя, или, по терминологии древних китайцев, «побочный подданный», чье происхождение не отличалось знатностью. «Побочный подданный присвоил в государстве власть, и все в Лу, от сановников и ниже, утратив меру, сбились с правильной стези», — неодобрительно замечает по данному поводу Сыма Цянь.

* *Младшие* (Цзи), вопреки названию, были в то время главным после княжеского аристократическим родом княжества Лу.

Критицизм историографа понятен. Иначе и трудно относиться к политическим интригам и склокам. Но эти неприглядные события служили лишь внешним проявлением происходивших тогда глубоких общественных изменений. При жизни Конфуция, особенно ближе к ее концу, с развитием сельского хозяйства, торговли и ремесленного производства наметился рост имущественного расслоения, который вел к ослаблению кровнородственных связей и к деградации наследственной аристократии. Роль народа в целом усиливалась, и на авансцену стали выходить новые, более низкие по социальному положению слои общества. Это относилось в первую очередь к категории мужей, но не только к ней, тем более что многие из мужей в результате обнищания, по существу, слились в то время с простонародьем. И Конфуций, несмотря на свое худородство, в полном соответствии с духом новой эпохи, выступая одним из ее наиболее ярких провозвестников, жаждал максимально проявить себя на политическом поприще. Но современное ему общество он считал «беспутным», т.е. лишенным «пути», стези правды, добра и красоты, поэтому может показаться, что он так долго не участвовал в государственной деятельности из чувства протеста против безнравственности верхов. Собственно, к такому выводу постепенно и подводит Сыма Цянь; его же подтверждают и некоторые прямые высказывания самого Конфуция:

Страна в опасности — ее не посещай, в стране мятеж — там не живи. Когда под Небесами следуют пути, будь на виду, а нет пути — скрывайся. Стыдись быть бедным и незнатным, когда в стране есть путь; стыдись быть знатным и богатым, когда в ней нет пути (8.13).

Но другие его высказывания, как и весь собранный Сыма Цянем материал, в котором ощущается всестороннее и глубокое знакомство с темой, рисуют неоднозначный и даже противоречивый образ Конфуция в его притязаниях на государственное управление. И вот здесь мы подходим к эпизодам его жизни, может быть наиболее невыгодным для политической репутации первоучителя китайской нации: он неоднократно выражал согласие пойти на службу к мятежникам. Один из таких эпизодов, когда «Гуншань Строптивный восстал... укрепившись в Би, и прислал людей позвать Конфуция», подробно описывает Сыма Цянь, впрочем завершая его выразительным резюме: «Но так и не пошел».

Гуншань Строптивный служил управляющим владением первого советника в Лу. Против него, своего господина, и поднял он мятеж, претендуя с несколькими другими «побочными подданными» на политическое господство в этом княжестве. Конфуций же усмотрел в его приглашении возможность воссоздать династию Чжоу в ее изначальном состоянии, т.е. то, что он считал идеалом правления, в местности, где укрепился Гуншань, расположенной восточнее родового владения чжоуских царей. Вот уж поистине: цель оправдывает средства, как думают некоторые исследователи, упрекая по этому поводу первоучителя в цинизме и беспринципности. Но чего тут нет, так именно цинизма. Обратимся к фрагменту «Изречений», посвященному описываемым событиям (17.5): здесь Конфуций высказывает готовность принять предложение мятежников в ответ на возражения Цзылу — одного из ближайших учеников, которого отличали большой жизненный опыт и здравый смысл, т.е. как раз то, что первоучитель не очень высоко ценил и наличие чего в себе отрицал. Важно понять, что именно опытность и здравомыслие противостояли здесь настроению Конфуция, которому тогда были свойственны скорее иррациональность и импульсивность. Причина в том, что духовность Конфуция определяла одна доминанта: стремление к установлению порядка и спокойствия в мире людей. Это стремление приобретало рациональную форму, когда он проявлял хитрость и предусмотрительность, но могло оборачиваться, как в приведенном выше примере, и своей иррациональной стороной. Главным для него было возвращение человечества на путь истинный. (Понятие «пути» Конфуций отождествляет с истиной, которая, таким образом, являет собой не только цель, но и все то, что ведет к ней, и заключается в уместности и порядке, завещанных древними правителями-мудрецами.) Как он сказал однажды своим ученикам:

Имейся в Поднебесной путь, я не добивался бы с вами перемен (18.6).

Что же касается государственной службы, то она представлялась ему прямым средством достижения этой цели, ибо он был уверен:

Когда какой-нибудь правитель пригласит меня на службу, то у него уже в течение года станет лучше, а через три он обретет успех (13.10).

Поэтому Конфуций, пусть даже и весьма критически относившийся к властям, не мог не желать поступления на государственную службу. Но правящая элита в целом не была настроена его использовать. Иногда взглядам первоучителя начинал симпатизировать тот или иной монарх, но придворные, как правило, препятствовали его выдвижению. То, что он советовал, чаще всего считали бесполезным или даже вредным. В нем видели и опасного политического соперника. Такое отношение стало проявляться довольно рано, например когда Конфуций встречался с князем Великим, главой княжества Ци, куда он на некоторое время уходил вслед за бежавшим туда луским князем. Здесь его главным оппонентом выступил первый министр Янь Ин, нашлись и сановники, замыслившие вообще с ним расправиться. Именно это, по свидетельству Сыма Цяня, побудило тогда Конфуция оставить своего правителя и вернуться в Лу.

Так Конфуций почти всегда, за исключением нескольких лет своей жизни, оказывался за рамками государственной службы. Правда, время от времени он становился управителем владений различных сановников, но это не имело прямого отношения к «государству» (*го*), которое начиналось с владений князей, а сферой царя была уже вся Поднебесная.

Отлученный от государственных дел, Конфуций не пребывал в бездеятельности. Напротив, он был очень активен. Используя современную терминологию, можно сказать, что он активно занимался не чем иным, как общественной деятельностью. Конфуций первым в Китае обратился к ней вполне сознательно, выступив, по сути, ее родоначальником. Главными составляющими этой деятельности были просветительство и обучение. Конфуций любил давать советы и разъяснения, за которыми к нему обращались представители различных социальных групп, в том числе князья и цари. Так естественно сложилось то, что впоследствии стало называться школой Конфуция. По справедливому мнению исследователей, она явилась первой в Китае частной школой, ибо до нее школьное обучение находилось всецело в руках государства. Но это сугубо частное дело оборачивалось глубинным воплощением государственности — феномен, который вряд ли можно объяснить только тем, что Конфуций готовил из учеников правителей. Конфуциева школа восприняла необычность и оригинальность своего создателя.

Первые ученики стали появляться у Конфуция уже с семнадцати лет. Усиление смуты только способствовало увеличе-

нию их числа. Такова, например, ситуация, когда Конфуцию было уже под пятьдесят, а он продолжал оставаться не у дел, пренебрегаемый временщиками, но в то же время «все больше становилось у него учеников, к нему шли издалека, и всех он принимал».

Школа Конфуция действительно была весьма доступной. Чтобы поступить к нему, по его же словам, достаточно было прийти с традиционным знаком приветствия:

Я всем даю советы, начиная с тех, кто мне приносит связку вяленого мяса* (7.7).

Отсюда понятен и социальный состав его учеников. Среди них встречались, конечно, и представители знати, но подавляющее большинство имело невысокий социальный статус, в основном «мужи». О многих учениках известно только, из какого княжества они родом, в описаниях и комментариях лишь коротко сообщается: «лусец», «цисец» и т.д.; в некоторых случаях даже такие скудные сведения противоречивы. Так или иначе, многие из них были в общем одного социального положения с Конфуцием. И вот он учил их добиваться того же, к чему как бы исподволь стремился и сам. Но представление о школе Конфуция, воплощавшей глубинную суть его устремлений и собственно учения, окажется неполным, если не попытаться, хотя бы вкратце, уяснить его отношение к отшельникам, чье бытие являлось в то время антиподом государственной и общественной деятельности.

Наиболее известна встреча Конфуция с двумя отшельниками, добывавшими пропитание на берегу реки от рук своих — хлебопашеством. Конфуций послал ученика спросить у них, где переправа, но они отказались ответить, осудив первоучителя за то, что он «бежит» не от мира, а лишь от отдельных лиц. Конфуций был этим очень огорчен и возразил:

С кем же мне общаться, как не с этой человеческой толпой? Человек не может жить с животными и птицами (18.6).

Не менее колоритен и другой эпизод:

Безумец из Чу «Встречающий повозки», напевая, проходил мимо Конфуция и сказал:

* Связка вяленого мяса считалась в Китае одним из самых скромных подарков, преподносившихся при нанесении первого визита.

— О, феникс, феникс!
Как твоя добродетель оскудела!
Нельзя корить за то, что было,
Но то, что будет, еще достижимо.
Избавься же! Избавься же!
Рискует ныне тот, кто занимается правлением!
Конфуций, желая с ним поговорить, слез с повозки, но тот
быстро ушел, и Конфуцию поговорить с ним не удалось (18.5).

В этих и подобных им эпизодах проявился прежде всего искренний интерес Конфуция к отшельникам. В первом из приведенных примеров его вопрос «где переправа?» сугубо символичен: он просил «бежавших от мира» людей поведать ему об истине, полагая, что она им известна. Тот же смысл, по сути, в его безуспешной попытке поговорить с «безумцем из Чу». Он не стал бы опускаться до этого, если бы не расслышал в словах «безумного» чусца отзвук истины. Но одновременно Конфуций вполне отчетливо сознает, что он не может полностью принять их выбор и вести отшельнический образ жизни. Эта двойственность объясняется тем, что в нем соединяются в какой-то мере противоположные черты: близость к правде отшельников и стремление осуществить ее среди людей, не покидая человеческого мира. Он обращен к людям, их заботам и чаяниям, устремлен к спасению общества и в то же время необычайно далек от этого, как далека от суетной повседневности вечная истина.

Отшельник в гуще толпы — вот кем был на самом деле Конфуций. И его желание поступить на государственную службу столь же амбивалентно. Не случайно, называя своего самого любимого ученика Янь Цзыюаня «достойным», он относил к той же категории не кого-нибудь, а именно «мужей, бегущих от мира».

Эта позиция Конфуция выражена в «Изречениях» весьма наглядно. Вот как первоучитель подводит итог своему жизненному пути:

В пятнадцать лет я ощутил стремление учиться; в тридцатилетнем возрасте я утвердился; достигнув сорока, освободился от сомнений; в пятьдесят познал веление Неба; в шестьдесят мой слух обрел проникновенность; с семидесяти лет я следую желаниям сердца, не нарушая меры (2.4).

В отличие от конфуцианцев последующего времени, рассматривающих жизнь человека сквозь призму его служебной

карьеры, в приведенном высказывании эта сфера деятельности ни разу не упоминается, несмотря на то что приобщенность Конфуция в определенный период его жизни к государственной службе несомненна. Карьеру вытесняет здесь самосовершенствование. Конфуций сознательно подчеркивает это. Он исходит из давней традиции и, в частности, из выраженного в древнекитайском поэтическом своде «Книга песен» представления о небесном избрании в цари за достойное поведение. Самосовершенствование, противостоящее восхождению по служебной лестнице, соединяется с высшей властью идеального царя, который в качестве слуги Неба возвышается над всей земной иерархией и не подчиняется никому на земле. Этот мотив неумолчно звучит в «Изречениях».

Так, в них не приводится никаких конкретных сведений о служебной карьере Конфуция. Его должность не указана даже в главе 10, где он изображен как официальное лицо. Невнимательность в данном вопросе тем более удивительна, что она сочетается с чрезвычайно детализированным описанием внешней стороны жизни первоучителя. Сам он говорит о своем положении крайне неясно. Это можно объяснить, конечно, и тем, что Конфуция «не используют», т.е. не привлекают к государственной службе. Даже если считать данную ситуацию определяющей, то она тем не менее не мешает ему противопоставлять свое положение в зрелые годы «худородству», в каком он находился в молодости. Определить его статус затрудняются и властители того времени. Правитель княжества Ци, например, долго колеблется, не зная, как принять пришедшего к нему Конфуция. Поставить гостя на один уровень с высшим аристократическим кланом княжества Лу кажется ему невозможным, поэтому он решает встретить его по рангу среднего из трех знатнейших луских родов. Это сомнение князя весьма красноречиво.

Итак, хотя Конфуций изображается важным должностным лицом, но его пост точно не указывается. Когда же он находится не у дел, занимаемое им положение представляется достаточно высоким. И в том, и в другом случае восприятие Конфуция как важной, даже в какой-то мере исключительной персоны сочетается с неопределенностью его фактического места в государстве. Словно идеальный царь прошлого, он оказывается вне земной иерархии. Такова цель, которой исподволь добивается первоучитель. Путем к ее осуществлению и становится созданная им школа.

Она предстает своеобразным государством в государстве. В ней наставник и правитель, ученик и слуга оказываются совершенно слитными, тождественными понятиями. В главе 10 «Изречений», где Конфуций — придворный, его ученикам нет места именно потому, что как правитель он и без школы является учителем нижестоящих. В другом случае, когда основатель конфуцианства, по всей видимости, изображается правителем, появляются и ученики, но здесь они уже как бы и не ученики, а должностные лица. При этом он остается их учителем, ибо действует не угрозами и приказами, а советом и наставлением (6.3; 6.4). Оставаясь же не у дел, Конфуций использует своих учеников как слуг. Один из них выступает, например, за кучера. Не занимая никакого официального поста, Конфуций сурово отчитывает своих учеников-правителей, служащих у высшей знати, за потакание агрессивным замыслам. Одним из находящихся у власти учеников первоучитель делает строгое замечание за опоздание; происходит явное смешение школьных дел с государственным управлением. Как и в государстве, в школе Конфуция собрались люди самых разных способностей и интересов. В ней есть и беззаветные моралисты, достойные высшей власти, и узкие политики-практики, и военные организаторы, и эрудиты и т.д. Каждому ученику отводится здесь определенное место. Сам же их учитель претендует на роль равного Небесам бездеятельного правителя*. Об этом еще будет речь, здесь же лишь отметим, что он выражал поразительное в устах учителя желание стать бессловесным, по образу Неба, предпочитая словам личный пример.

Учитель сказал:

— Я хотел бы не говорить.

— Что же тогда мы сможем передать, если Вы не будете говорить? — спросил Цыгун.

Учитель ответил:

— А говорит ли Небо что-нибудь?

Но чередуются в году сезоны,

Рождается все сущее.

А говорит ли Небо что-нибудь? (17.19)

Это намек на идеал наставника и правителя в одном лице.

* По Конфуцию, бездеятельность правителя — результат установленного им естественного порядка. Все идет как надо самой собой, поэтому правителю ничего не остается делать. Именно за это прежде всего хвалит первоучитель мифических царей Шуня и Юя (см. 8.18; 15.5).

Положение Конфуциевой школы в политической жизни того времени соответствует авторитету ее основателя. Она не относится к государственным учреждениям, но, как и в Конфуции, в ней порой усматривают серьезную политическую силу. К его школе начинают с опаской относиться в различных правительственных кругах, считая ее грозным соперником в борьбе за власть. Противники Конфуция не сомневаются в том, что, став правителем, помощниками он назначит своих учеников. (Один из ярких эпизодов, описанных Сыма Цянем, характеризует эту изначальную особенность школы Конфуция.)

Подобные опасения имели под собой реальную основу. Конфуций рассматривал современную ему правящую элиту как видимость власти. Однажды у него спросили мнение о тех, кто «в наши дни занят правлением», т.е., по сути, о правящей верхушке, и услышали убийственный для нее ответ:

А... мелкие людишки! Они не могут идти в счет! (13.20)

Три главных аристократических рода княжества Лу он пренебрежительно называл «измельчавшими» (16.3). Но цель первоучителя — не отрицание существующей иерархии и создание новой. Он не посягал в принципе на власть аристократии — известно, например, его неприятие направленных против нее попыток ввести закон вместо обычного права. Но Конфуций не мог безоговорочно согласиться и с таким положением, когда место человека в политической структуре полностью определялось его родословной. К этому подталкивали первоучителя собственное происхождение и весь обретенный им опыт. Не случайно он, когда наконец-то был привлечен к государственной службе, по свидетельству Сыма Цяня, говорил о себе:

Радуюсь, что низшие в почете.

Не отрицая вообще политическую значимость родословной, Конфуций ставил ее в зависимость от нравственного уровня и способностей человека. Именно это еще подразумевается в его наставлении о том, что государь должен быть государем, отец — отцом, сын — сыном, слуга — слугой и т.д. Он считал своего сына бесталанным и потому «не ощущал к нему близости» (16.13), а вот за успехи в учении был склонен устанавливать родственные связи с учениками. Да и организация частной школы, куда он принимал практически любого, наце-

ленная на подготовку правящей элиты, подтверждает широту его взгляда в этом вопросе.

Конфуций добивался совмещения нового со старым, обновления, которое открыло бы возможность поставить школу на место государства. Так видимость могла обрести реальное содержание. Именно это объясняет неоднократные попытки Конфуция занять руководящую должность и его благосклонное отношение к поступлению на государственную службу учеников. Но когда он находился не у дел, пестуемая им школа становилась особенно важна, ибо являла собой живой пример лучшего правления. Первый период его жизни и прошел, по существу, под знаком двух парадоксально сочетавшихся альтернатив: тщетной устремленности к обретению государственной власти и той же устремленности, но уже в сублимированной форме частного преподавания.

Второй период в биографии Конфуция занимает особое место, так как именно тогда он впервые оказался приобщен к непосредственному управлению государством и начал быстро продвигаться по служебной лестнице: «На восьмом году правления князя Твердого... Конфуцию было пятьдесят... Князь Твердый сделал Конфуция управляющим Чжунду, и через год ему уже подражали все в округе. Из управляющих он был назначен управителем общественных работ, затем — судебным управителем». Далее Конфуций занимает, правда, лишь в порядке замещения и временно, высший государственный пост: «Правлению князя Твердого шел четырнадцатый год, Конфуцию же исполнилось пятьдесят шесть лет. Как судебный управитель, он временно стал замещать первого советника». Сыма Цянь дает также и рельефное описание достигнутых им результатов на этом посту, представляя их как кульминацию его государственной деятельности: «Затем казнил луского сановника Шаочжэн Мао, ввергавшего правление в смуту. Три месяца вместе с другими вершил дела правления, и продавцы барашков, поросят не набивали цен; мужчины не ходили с женщинами по одной стороне улицы; не брали ничего, что обронили другие на дороге, гостей, пришедших отовсюду в стольный град, без всякого их обращения к распорядителю одаривали как вернувшихся домой». Таким образом, по Сыма Цяню, политику Конфуция отличали безжалостное отношение к смутьянам, борьба со спекуляцией и воровством, установление строжайших нравственных норм и щедрое гостеприимство.

Отдельные штрихи этой картины, особенно проявление жестокости, могут показаться противоречащими некоторым

высказываниям первоучителя, но если рассматривать его учение в целом, то резкое принципиальное расхождение с ним здесь найти не так-то просто.

Известно, например, что Конфуций, призывавший «любить людей», категорически высказывался против «казни беспутных».

Благодетельный из Младших, беседа с Конфуцием об управлении государством, спросил:

— Что, если казнить беспутных ради сближения с теми, у кого есть путь?

Конфуций ответил:

— В Ваших руках бразды правления, зачем же Вам казнить? Вам стоит лишь увлечься самому хорошими делами, и весь народ тотчас же устремится ко всему хорошему. У благородного мужа добродетель — ветер, у малых же людей она — трава, склоняется трава вслед ветру (12.19).

Однако из контекста данного фрагмента следует, что под «беспутными» в нем подразумевается только народ. Конфуций не отказывается от казни вообще, но выступает против убийства простых людей, пусть и «беспутных», утративших «долг», но, с его точки зрения, немняемых. Когда же благородный муж утрачивает справедливость и становится смутьяном, то он предстает уже как бывший благородный муж, ибо подобных ему представителей власти Конфуций отказывается отнести даже к категории «малых людей», т.е. считает их потерявшими человеческую природу вообще*. Это уже делает для него вполне возможной казнь сановника Шаочжэн Мао.

И все же считать повествование Сыма Цяня полностью достоверным было бы неправильно. Особенно большое недоверие у некоторых исследователей вызывает сообщение историка о высоких должностях Конфуция. Их сомнения небезосновательны. В эпоху, когда жил первоучитель, такие должности обычно занимала родовая аристократия, к которой он не относился. По мнению этих исследователей, самое большее, чем Конфуций тогда мог стать, так только одним из низших сановников. Но многие другие ученые продолжают верить в данном

* Человеческая природа — это то, что обще всем людям: *Природа каждого с другим сближает...* (17.2). Самое важное в ней, по мнению Конфуция, — связанный с сердцем духовный аспект, означающий наличие небесного космического начала как источника нравственной силы человека.

случае Сыма Цяню. Оставляя вопрос открытым, можно тем не менее допустить, что Конфуций занимал высокие должности, только ни им, ни его окружением это не воспринималось в обычном буквальном смысле. Примечательно, как в главе 10 «Изречений» изображается поведение первоучителя при княжеском дворе:

Когда князь приказывал ему принять гостей, он как бы и в лице менялся, и ноги у него будто подгибались. Он кланялся по сторонам стоящим вместе с ним сановникам, поднимая к груди сложенные руки, при этом его одежда не собиралась в складки, и спешил вперед, растопырив руки, словно крылья. Когда же гости уходили, обязательно докладывал:

— Гости уже больше не оглядываются.

Когда входил в дворцовые ворота, казалось, изгибался весь, словно в них не помещался. При остановке не вставал посередине и проходил, не наступая на порог. Подходя к престолу, он как бы и в лице менялся, и ноги у него будто подгибались, и слов ему, похоже, не хватало. Вот, подобрав полу, он поднимался в зал, казалось, весь изогнутый, и затаив дыхание, словно не дышал. Когда же выходил из зала и спускался на одну ступень, его лицо выражало облегчение и он казался удовлетворенным. Спустившись с лестницы, спешил вперед, растопырив руки, словно крылья, и с благоговейным видом возвращался на свое место.

Когда он держал скипетр князя, то, казалось, изгибался весь, словно удержать не мог. Он поднимал его, словно в поклоне, и опускал, как будто собираясь что-то переждать, с трепещущим видом и словно изменившимся лицом он осторожно, как по перекладине, шел мелкими шажками (10.3; 10.4; 10.5).

В этом описании наряду с обилием сравнений, придающих изображаемому достаточно условный характер, часто упоминаются слова «вид», «лицо» и др., подчеркивающие чисто внешние проявления в человеке. Такое сочетание не случайно: оно рождает ощущение чего-то нарочито внешнего, показного и глубоко условного, какой-то игры, представления, исполняемого с одной определенной целью. Все эти ужимки и гримасы Конфуция, та почти маниакальная почтительность, которая в них выражается, не могут не создать впечатления, что перед нами некая пародия, буффонада, передающая в гиперболизированном, доведенном до абсурда виде образ верноподданного. Комический эффект усиливается от благоговейной серьезности учителя, разыгрывающего эти сцены.

«Изречения» не сообщают о реакции окружающих на такое его поведение. Но о ней можно косвенно судить по другим фрагментам. От придворных манер Конфуция, по сути, ничем не отличается его привычка «спрашивать обо всем, что происходит» в Великом храме, вызывающая недоумение и насмешки людей (3.15). Поступки такого рода ставят в тупик и учеников. В «Изречениях» рассказывается о приеме Конфуцием наставника Мяня. Выражая ему особую почтительность, первоучитель всякий раз, при его приближении к той или иной вещи, называет ее вслух и сообщает, кто где сидит. Судя по вопросу ученика, такое общение с «наставником» (он был, видимо, слепым) не было тогда обычным, основатель же конфуцианства на нем решительно настаивает (15.42).

Поведение Конфуция при дворе, внешне нелепое и смешное, было проникнуто весьма глубоким смыслом. Вступление в высокую должность, которая, по обычаям того времени, с учетом его социального статуса ему не полагалась, оборачивалось тем, что он не просто выполнял соответствующие должностные обязанности, а играл новую для себя роль, подчеркивая важность, наряду с княжеским престолом, своего служебного места. В карикатурности манер Конфуция проявлялась необычность обретенного им положения и его упование на будущее. Конфуций утрировал обычное, так как чувствовал свое высшее предназначение.

Таким образом, деятельности Конфуция на высоких должностях свойственна не только определенная практическая политика, но и некоторая условность. Это и не могло быть иначе при политической слабости князя, который его возвышал (ничтожной марионетки в руках временщиков), и критическом отношении к нему знати. Фигура первоучителя производила двойственное впечатление, за странностями поведения проглядывали серьезные политические намерения.

И в конце концов, столкнувшись, с одной стороны, с пренебрежением правителей к своей деятельности, да и к государственным делам вообще, а с другой стороны — с интригами знатных сановников из его окружения, Конфуций, — который так долго и безуспешно стремился поступить на государственную службу и едва лишь наконец-то достиг почти вершины власти в своем княжестве, наведя там за достаточно короткое время поразительный общественный порядок, — разом махнул рукой на все, чего добился, и не только оставил должность, княжеский двор, но вообще ушел из Лу.

Для этого он должен был иметь очень вескую причину, на которую и указывает Сыма Цянь. Она заключается в том, что князь и вельможа, т.е. те, кому первоучитель непосредственно подчинялся, оказались в плену наслаждений и праздности, затмивших в них интересы общества и государства. Такую безответственность правителей Конфуций, по мнению Сыма Цяня, уже вытерпеть не мог. Но он отнюдь не был категоричен. По свидетельству того же Сыма Цяня, стоило бы только правителям совершить важный жертвенный обряд, который знаменовал бы их возвращение к государственным делам, как Конфуций, вопреки проискам сановников, остался бы на своем посту.

Такова одна из особенностей учения Конфуция. Он ориентировался на происходящее «однажды», т.е. на случай, случайность. Возвращение Поднебесной на путь истинный рассматривалось им как результат «однажды» приложенного человеком усилия (12.1), причем из сопоставления этого тезиса с другими положениями, например с тем, в соответствии с которым одно лишь наличие желания вполне достаточно для достижения идеала (7.30), следует, что установление порядка в мире зависит от прихоти правителя, поскольку именно он объявляется виновником смуты (19.19). В связи с тем что правитель является «держателем государственной судьбы» (16.2), его воля оказывается тождественной судьбе государства. Более того, если от нее зависит установление порядка, то она связана также с небесной судьбой, которая определяет «прохождение пути» во вселенной. Так, испытанное «однажды», т.е. случайно, желание оборачивается всемирной закономерностью. И поскольку обрести это желание, как и утратить, чрезвычайно легко, каждое мгновение жизни начинает восприниматься как критический момент в установлении мира и спокойствия на земле.

Конфуций считал, что именно по счастливой случайности современные ему правители могут навести надлежащий порядок. В поиске такого рода «случаев» он и находился большую часть своей жизни. Это значит, что его поступление на службу или отказ от нее, посещение того или иного княжества или уход оттуда были случайны, т.е. вызывались случайным наличием или отсутствием у правителей устремленности к идеалу. Появись она снова у князя и вельможи луского княжества, он к ним вполне мог бы вернуться. Это не авантюризм, а результат определенного понимания внешней общественной среды. Что касается самого Конфуция, то испытанные им «однажды» вы-

сокие помыслы стали постоянной внутренней доминантой всей его жизни. Состояние кризиса, т.е. тот критический момент, когда человек открывает в себе высокие помыслы, никогда не покидало учителя. В их реализации он видел свое жизненное предназначение, в котором обнаруживался, как выяснится позже, и мистический смысл. Вот что послужило главной побудительной причиной его ухода из Лу.

Так начался третий, самый беспокойный, период в жизни Конфуция. Он продолжался почти четырнадцать лет и знаменовался хождением первоучителя в сообществе с учениками по различным княжествам Древнего Китая. Первоучитель иногда оставался на несколько лет в том или ином княжестве и управлял домами сановников, но затем снова вместе с учениками отправлялся в путь. Он встречался и беседовал с самыми разными людьми — от юродивого и отшельников до царя. И как прежде, сталкивался с непониманием и пренебрежением правителей в своем стремлении вновь поступить на государственную службу. Главная особенность этого периода состояла в добровольном принятии Конфуцием лишений, невзгод и даже смертельной опасности, поджидавших его и учеников в то смутное время. Это отмечает Сыма Цянь, резюмируя четырнадцатилетнее хождение первоучителя одной фразой: «Отвергнутый, ушел из Лу; его прогнали из Ци; преследовали в Сун и Вэй, дошел до крайности меж Чэнь и Цай и после возвратился в Лу».

Но, как говорится, чем ночь темней, тем звезды ярче. Испытания, которые переживал тогда Конфуций, лишь способствовали демонстрации его учения и жизненных принципов.

В самых драматичных эпизодах, даже сталкиваясь с реальной угрозой жизни, учитель проявлял стойкость и невозмутимость, считая эти качества непременным атрибутом своего идеала — благородного мужа:

Благородный муж в нужде не отступает; малый человек, терпя нужду, становится распушенным (15.2).

Однажды он так отреагировал на грозившую ему смертельную опасность (в описании Сыма Цяня):

Конфуций, выехав из Цао, прибыл в Сун и там с учениками под огромным деревом совершенствовался в ритуалах. Военачальник Хуань Туй из Сун, желая погубить Конфуция, это дерево обрушил. Конфуций отошел, и ученики сказали:

— Можно было бы идти и побыстрей.

Конфуций им ответил:

— У меня от Неба добродетель. А Хуань Туй? Что может он мне сделать?

Таким образом, Конфуций заявляет, что фактически неуязвим, как бы независим от внешнего мира, так как находится в нравственном родстве с Небом. Здесь нравственная связь приобретает мистический характер. Иначе говоря, перед нами человек, который чувствует себя кандидатом на пост сакрального правителя — Сына Неба.

Источник этого представления вполне понятен. Именно Чжоуский царь, имевший титул «Сын Неба», находился в особых мистических отношениях с Небесным Владыкой, причем, будучи рожденным от земных родителей, он не мог, естественно, рассматриваться как его сын в буквальном, физическом смысле. С Небом его связывала наибольшая доза того, что переводится словом «добродетель». («Добродетелью» первоначально считали божественную и нравственную силу, которая обеспечивала процветание и жизненное благополучие. Все люди наделялись ею в зависимости от степени родства с Сыном Неба. Иногда этот термин переводят словом «благодать». Конфуций, придавая добродетели мистическое значение, выдвигает на первый план ее нравственный аспект.)

О том же по сути, но уже с другой точки зрения Конфуций говорит, подвергнувшись нападению жителей местности Куан, которые ошибочно приняли его за своего давнего обидчика:

Разве после смерти государя Просвещенного тут, во мне, не уцелела просвещенность? Если бы Небо пожелало эту просвещенность погубить, то я не смог бы приобщиться к ней. Но Небеса ее не погубили. А куанцы... Как им со мною справиться? (9.5)

Легендарный царь Просвещенный жил за много веков до Конфуция, но он как бы не замечает бездны поколений и говорит о нем как о своем ближайшем предшественнике, связь с которым опосредует только Небо.

Конфуций живет образами древних государей, наблюдая за танцевальными пантомимами, изображающими их жизнь;

они посещают его во сне, в ночных видениях, а если не снятся, то он усматривает в этом признак своей нравственной деградации:

Как опустился я! Уже давно не снится мне князь Чжоу (7.5).

Эта экзальтация сигнализирует о мистическом чувстве близости древним правителям. Они для Конфуция люди самые близкие, умершие совсем недавно, т.е. как бы занимают место его отца. Это тем более объяснимо, если вспомнить, что он был, видимо, незаконнорожденным и долгое время даже не знал имени своего родителя.

Так возникала своеобразная психологическая ситуация, ставшая в Китае одним из важнейших исторических стереотипов при замене на императорском престоле одного рода на другой. Претендент на звание Сына Неба, пускай бы и достаточно скромного происхождения, должен был притязать не только на теснейшую близость к своему небесному «отцу», получая от него тайные духовные импульсы, но и быть в особых отношениях с другими Сыновьями Неба, которыми в первую очередь являлись идеальные цари древности. Этот образ сакрального конфуцианского правителя явно проглядывает в самом основателе конфуцианства. Однако политическая ситуация складывалась для Конфуция по-прежнему неблагоприятно: государственной власти он так и не обрел. В этих условиях открыто провозглашать себя Сыном Неба и потомком древних царей было бы наглým самозванством. Ведь «Небесный избранник» мог подтвердить свою миссию главным образом путем ее признания со стороны народа и правителя, обязанного добровольно уступить власть.

Таким итогом завершилось многотрудное хождение Конфуция по Древнему Китаю и начался четвертый, последний период в его жизни, когда он, уже семидесятилетний старик, вернулся наконец в княжество Лу. Как отмечает, и вполне резонно, Сыма Цянь, первоучителя на родине снова оставили без внимания и не привлекали к государственным делам, сам же он тоже перестал к этому стремиться. Последние годы своей жизни Конфуций всецело посвятил упорядочению древнекитайского культурного наследия и его «передаче» ученикам. У Сыма Цяня он предстает также создателем знаменитой летописи княжества Лу «Весна и осень». В современной науке этот факт, как и сообщение историографа о том, что Конфуций сократил каноническое число древнекитайских песен с 3

Содержание

Загадка Конфуция	7
-------------------------------	---

Луной

Читателю Конфуция	45
Изречения	53

Диалог сквозь века

Живое слово... ..	161
Мэнцзы	166
<i>Сыма Цянь</i> . Старинный род Конфуция	193
<i>Вольтер</i> . О Конфуции	220
<i>Л.Н. Толстой</i> . Изложение китайского учения. О Конфуции и Лаоцзы	
Великая наука	222
Учение середины	223
О Конфуции и Лаоцзы	225

Монах Иакинф (Н.Я. Бичурин). Описание религии ученых

I. Источник религии ученых	239
II. Поклоняемые лица	241
III. Жертвенное одеяние	247
IV. Утварь и предметы жертвенные	255
V. Жертвенники и храмы	259
IX. Приготовление к жертвоприношению	264
X. Чин жертвоприношения	269
XI. Дни жертвоприношения в столице	274
XII. Жертвоприношения в губерниях и жертвоприношения частные	278
Описание Педагогического Института в Пекине	282
<i>В.П. Васильев</i> . Конфуцианство	284

<i>С. М. Георгиевский. Принципы жизни Китая</i>	317
<i>В. М. Алексеев</i>	382
Религии и верования старого Китая	
в народных изображениях	382
Конфуций в гимне и эпитафие	385

Из книги «Лаоцзы. Обрести себя в Дао»

Между строк	395
В просвете	415
Читая Лаоцзы	430
<i>Лаоцзы. Даодэцзин</i>	445
Комментарии	468